

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ «КОГНИТИВНЫХ ДИССОНАНСОВ»

УДК 37.025

ББК 74.202

DOI: 10.33065/2307-1052-2019-2-28-88-96

Знание и информация: диссонансы и противоречия

Тихонов Александр Александрович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Тихонова Анна Александровна,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. В статье исследуется проблема противоречивой взаимосвязи знания и информации как основных категорий теории познания, эпистемологии и когнитологии. Анализируется специфика их существования и функционирования в различных аспектах и сферах бытия. Диссонансы и противоречия знания и информации рассматриваются в онтологическом, когнитивном, личностно-психологическом и социокультурном аспектах. Выявляются и описываются различные последствия и тенденции информатизации и виртуализации современного образования и основных сфер жизни общества.

Ключевые слова: знание, информация, эпистемология, когнитология, когнитивные диссонансы и противоречия, личностное знание.

Knowledge and Information: Dissonances and Contradictions

Tikhonov Aleksandr A.,

Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Tikhonova Anna A.,

Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Psychology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The article examines the problem of the contradictory relationship of knowledge and information as the main categories of the theory of knowledge, epistemology and cohitology. The article analyses specificity of their existence and functioning in various

aspects and areas of being. Dissonances and contradictions of knowledge and information are considered in the ontological, cognitive, personal, psychological and socio-cultural aspects. The article describes various consequences and tendencies of informatization and virtualization of modern education and the main spheres of social life.

Keywords: knowledge, information, epistemology, cohitology, cognitive dissonances and contradictions, personal knowledge.

Проблема сущности знания, динамики его развития, форм и методов получения достоверных знаний всегда были в центре внимания философского познания. В данной статье ставится и анализируется проблема противоречивой взаимосвязи знания и информации как основных категорий теории познания, эпистемологии и когитологии. Основными целями и задачами статьи являются исследование специфики существования и функционирования знания и информации в различных аспектах и сферах современного бытия. Диссонансы и противоречия знания и информация рассматриваются в онтологическом, когнитивном, личностно-психологическом и социокультурном аспектах. Выявляются и описываются различные последствия и тенденции информатизации и виртуализации современного образования и основных сфер жизни общества.

Уже в Ведах во втором тысячелетии до новой эры представлены вопросы о природе знания. Однако способы осмысления сущности знания, представления о его «неуловимой природе» в различных формах мировоззрения и картинах мира существенно отличаются друг от друга. В самом общем плане можно выявить некий процесс и даже историческую тенденцию инволюции «знания о знании». Так, в различных религиозных системах и контекстах знание сакрализуется и зачастую интерпретируется как Истина. Достаточно вспомнить высказывание И. Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь!». Религиозные представления и сакральные идеи, как правило, связываются не с диалектикой неопределенности и определенности, характеризующей сам процесс познания мира человеком, а с идеей пред-определенности бытия в целом и жизни людей, с идеями божественного откровения, благодати, провиденциализма, всеведения, всемогущества и т.п.

Философы Античной Греции также ориентировались на поиск истины, понимаемой как «алетейя» или как общее и необходимое «эпистеме», принципиально отличающееся от «докса» как частного мнения. Вполне понятно, что категория «истина» до сих пор вызывает множество споров и результаты поиска её сущности выражаются в принципиально различных концепциях. Поскольку данная категория обладает как гносеологическими, так и аксиологическими параметрами, то её применение зачастую носит оценочный характер в широком диапазоне от сакрализации и абсолютизации – до полного отрицания и пренебрежения. Так, в XX веке «конструктивистски мыслящий биоконструктивист Хайнц фон Фёрстер говорил, что истина есть изобретение лжеца» [Цит. по: Князева 2012: 75].

В исторические периоды секуляризации материальной и духовной культуры происходило значительное возрастание степени свободы, самодетерминации и неопределенности в жизнедеятельности людей и социальных групп. Данная ситуация, характерная для европейского Нового времени и эпохи Просвещения, существенно повышает значимость и широкое применение научных знаний. И далеко не случаен всплеск интереса ученых и философов Нового времени к гносеологической и методологической проблематике. Афоризм «Знание – сила», приписываемый Ф. Бэкону, характерен для этой исторической эпохи.

В настоящее время, по мнению постмодернизма, «зеркало мира разбилось вдребезги» и складывается ситуация нарастания неопределенности в большинстве сфер

деятельности. Эта ситуация усугубляется некритическим использованием анти-гуманной «компьютерной метафоры», что в конечном счете дезавуирует и низводит существующее знание до уровня информации, что может привести его к дальнейшей «деградации» – к «тотальной цифровизации» и к пониманию знания в качестве «данных» – своего рода информационного сырья. Но при этом в кажущемся инволюционном процессе девальвации истины и «вырождения» знания в информацию и «данные» существенно возрастают запросы на активность и когнитивные способности человека и сообществ как субъектов познания. Кажущаяся «деградация и инфляция знаний» на самом деле показывает некий процесс «атомизации» знаний и когнитивной деятельности человека. Не только философская рефлексия, но и массовые процессы углубления и усложнения когнитивной деятельности человека приводят нас к осознанию неких глубинных структур, «матриц, квантов и суперструн познания».

Подобные «инволюционные» для знания процессы характерны для социокультурного развития человечества в его обозримой истории. Это показывает наличие противоречивых процессов – нарастания, с одной стороны, «атомарности» знания как информации и, напротив, – системности познания в целом, выявляет различные формы и способы взаимодействия определенности и неопределенности в динамике развития знания и становлении человека как субъекта познания. В социокультурном контексте знание не только выступает в качестве «памяти» и преемственности познания, но и в двуединой ипостаси «дискурса власти» (М. Фуко) и «власти дискурса», определяющего развитие человека и человечества.

Общеизвестно, что многочисленные попытки дать однозначное и точное определение понятий «знание» и «информация» не привели к каким-либо приемлемым результатам. И это не удивительно, поскольку знание и информация, являясь не только научными и философскими понятиями, но и фундаментальными категориями духовной культуры, обладают сложной структурой, чрезвычайным многозначием и вариативностью. Используя в качестве метафоры известный мифологический образ, можно сказать, что знание есть своеобразный когнитивный Протей, способный к воплощению и преобразованию в различных формах, модусах, ипостасях и обличьях. Во многих словарях знание определяется по сути тавтологическим и весьма упрощенным способом – как «форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека». В этом «определении» имеется очевидный логический круг: знание понимается как результат «познания», а познание – как получение знания.

Попытки определения понятия «информация», как правило, опираются на более широкий смысловой контекст и указывают на существование информации в природе, особенно в растительном и животном мире, в технических устройствах, в общественной жизни. При этом указывается, что информация тесно связана с процессами коммуникации, управления, с «отражением разнообразия в любых объектах», с «уменьшением и снятием неопределенности в результате получения сообщений» [ФЭС 1983: 217].

Использование понятий «знание» и «информация» как синонимов показывает на их тесные взаимосвязи и смысловую близость. Однако любой анализ и научное исследование требуют точности, логической строгости и определенной демаркации познаваемых феноменов. Данную демаркацию можно провести, как минимум, в четырех основных сферах – в онтологической (т.е. в различных областях и уровнях бытия), когнитивной, личностно-психологической и социокультурной.

В онтологическом плане информация, в отличие от знания, фактически вездесуща и присуща всем сферам и уровням бытия – от множества процессов космогенеза,

возникновения и развития жизни, вплоть до человека, общества, информационных технологий и различных технических устройств. В самом общем виде можно утверждать, перефразируя М. Хайдеггера, что «дом бытия» информации представляет собой Вселенную в целом, а «домом бытия» знания является сознание человека. При этом физические поля и взаимодействия, многообразие сочетаний материальных объектов и процессов выступают в информационном плане в качестве сигналов и даже знаков, соответствующих различным признакам, параметрам и свойствам взаимодействующих объектов. Знание же, будучи «способом каким существует сознание и каким нечто существует для него» [Маркс, Энгельс 1956: 633], не может существовать в отрыве от субъективной и объективной реальности, в некой абстрактной изолированности от сознания человека и от предмета его познания и осознания. Таким образом, знание, обладая интенциональностью и фундаментальной «привязкой», укоренённостью в сознании человека, принципиально не может быть сведено к обезличенной и беспредметной, формальной информации.

Процессы информатизации многих сфер и форм деятельности человека и общества, как и множество тенденций развития общественной жизни, полны противоречий и диссонансов. Несколько сгущая краски, можно утверждать, что потоки информации, интенсификация коммуникативных связей и отношений, компьютеризация умственного труда и т. п. процессы могут и реально оказывают целый ряд деструктивных воздействий на сознание и самосознание человека, лежащих в основе его самостоятельной когнитивной деятельности. Эти процессы формируют у многих людей «клиповый», «поверхностный взгляд» на отдельные вещи и мир в целом, препятствуют глубокому и критичному осознанию реальности, приучают людей к восприятию «мира как зрелища». Когда человек попадает в бурлящую горную реку, он поневоле увлекается потоками воды, теряет ориентацию, зачастую даже утрачивает способность к самостоятельному плаванию. Нечто подобное происходит с сознанием человека, вовлеченного (подчас против его воли и желания) в пассивное восприятие информационных потоков. По мнению многих специалистов, исследующих поведение и психические реакции современных людей в кризисных и катастрофических ситуациях, «широко распространенной реакцией на катастрофы становится полное бездействие». Сформированная потоками информации и воспитанная потребительством привычная установка на восприятие «мира как зрелища» приводит к тому, что «в самые страшные последние минуты жизни огромное количество людей (пассажиры гибнущих самолетов и судов) не предпринимают абсолютно ничего» [Рипли 2009: 265]. Пассивное восприятие и поведение людей, получающих в катастрофических ситуациях огромное количество информации, зачастую не приводит этих людей к адекватному осознанию опасности и к спасательным действиям. В этих ситуациях также проявляются определенные противоречия и диссонансы знания и осознания с восприятием информации как зрелища. Можно предположить, что идущее еще со времен Древнего Рима требование «хлеба и зрелищ», выдвигаемое античным «плебсом» как неким прообразом наших потребителей-«юзеров», приводит массу людей в состояние близкое к наркотическому опьянению самими потоками информации. В данном историческом контексте «новации» бывших министров образования и науки Российской Федерации Фурсенко и Ливанова, состоящие в том, чтобы в системе образования как в «сфере услуг» формировать «квалифицированных универсальных потребителей», неизбежно вызывают множество сомнений и вопросов, из которых главным является вопрос: «Что это – глупость или измена?». Потребительское отношение к реальности приводит зачастую к определенному снижению статуса знания

и, напротив, к росту запросов на информацию об услугах и товарах. И далеко не случайно, что в студенческой среде и в молодежном лексиконе практически не используется понятие «знание», поскольку оно фактически вытеснено словом информация (или даже жаргонным словечком «инфа»).

В когнитивном плане знание и информация являются определенными компонентами, функциями и процессами психической, преимущественно когнитивной деятельности. Однако знание тесно связано с осознанием объектов и сознанием субъектов. При этом информация, будучи всесторонне представлена в психической деятельности человека, не всегда может быть осознана человеком как субъектом сознания и познания. Так, базовым и исходным уровнем когнитивной деятельности человека многие философы и ученые считают перцепцию, т.е. сферу чувственного восприятия, которое в существенной степени определяется природными – биологическими и психическими задатками, существующими в виде массива свёрнутой, неявной генетической информации. Эта свёрнутая, имплицитная информация не только обеспечивает получение индивидом необходимых перцепций, но и реализует выработку особого рода неосознаваемой информации или психических «данных», называемых рядом ученых субцепциями. «Имеющие глаза да не видят» – этим библейским суждением хорошо описывается сущность субцепции, информационные объемы которой на порядок больше перцепции, т.е. осознаваемого содержания восприятия. Как правило, несовпадение или диссонансы перцепции и субцепции большинством людей не замечаются и не осознаются, но они, тем не менее, существуют и могут играть значительную роль в таких формах когнитивной деятельности как коммуникация, диагностика болезней, управление сложной техникой и т.п.

Знание, в отличие от информации, не только способно осознаваться субъектом, но и обладает более высоким когнитивным статусом, степенью общности и, как правило, значимости для жизнедеятельности человека и социальных групп. Так, можно собирать целые тома информации как совокупности сведений о различных явлениях, скажем электропроводности металлов и сплавов, но знание о законе Ома, о природе электричества и т.п. позволяют субъекту в общей, рациональной и логической форме описать и объяснить накопленные и несистематизированные объемы информации.

Сравнение знаний и информации, их определенная противоречивость вполне очевидно проявляется в очередной и такой уродливой «реформе» образования, как ЕГЭ – «единый государственный экзамен». Ориентация ЕГЭ на информацию и даже на «тотальную информатизацию» образования при явной недооценке знаний, языка, методов познания и других важнейших компонентов когнитивного отношения, приводит к значительному снижению качества образования, мотивации к адекватному осознанию реальности, к функциональной неграмотности, к зубрежке вместо реального обучения и развития сознания и т.п.

В психологии и когнитологии XX века большое развитие получила концепция когнитивного диссонанса. Под когнитивным диссонансом понимается сопровождающееся негативными переживаниями состояние психики, которое возникает в ситуации, когда человек располагает двумя противоположными представлениями, суждениями, намерениями и т.п., относящимися к одному объекту. Когнитивный диссонанс – одно из важных понятий как когнитивной психологии в целом, так и социально-психологической теории, разработанной известным американским психологом Л. Фестингером.

По мнению Л. Фестингера, люди стремятся к некоторой согласованности и непротиворечивости в субъективной и объективной реальности, например, между тем, что они знают и тем, что они делают. Если возникает соответствующее противоречие, то

человек стремится придать ему какое-либо объяснение и представить его скорее как непротиворечивую связь, чтобы вновь достичь состояния внутренней когнитивной согласованности. Таким образом, 1) между когнитивными элементами может возникнуть диссонанс, 2) существование диссонанса вызывает стремление уменьшить его, 3) проявление этого стремления включает изменение поведения либо изменение знаний, либо осторожное, критическое и даже игнорирующее отношение к новой информации. Именно этим объясняется, например, то, что люди более позитивно отзываются о выбранных ими вещах, критикуя невыбранные или объективно недоступные: последняя ситуация ярко описана в басне И. А. Крылова «Лиса и виноград». В самом общем смысле понятие «когнитивный диссонанс» обозначает расхождение или противоречие имеющихся у субъекта опыта или знаний с получаемой новой информацией и восприятием актуальной ситуации. Как и следовало ожидать, в данной теории опыт и знания субъекта в существенно большей степени связаны с сознанием человека, в большей мере стабильны и интегрированы в структуры субъективной реальности. Информация же вариативна, изменяется под воздействием изменяющейся ситуации и, как правило, менее значима для индивида по сравнению с его жизненным опытом и системой знаний. Внезапное и существенное изменение ситуации, особенно грозящее жизни и здоровью индивида, способно, в результате острого когнитивного диссонанса (часто определяемого как «разрыв шаблона») привести его в состояние полного ступора, буквально лишить воли к действию.

Когнитивные диссонансы и противоречия не могут быть преодолены только на уровне информации, а требуют от субъекта выполнения важнейших процедур интерпретации, выявления смысла. Информация же в «чистом» виде может сочетаться в самых различных формах и вариациях. Так, известное шутовское высказывание, используемое как пример алогизма, – «В огороде бузина, а в Киеве дядька» в чисто информационном аспекте вполне правомерно и не вызывает диссонанса. Поэтому в самом общем плане теория когнитивных диссонансов требует глубоких когнитивных, логических, философских и педагогических исследований и практические выводы из неё требуют поиска взаимодополнительности и определенной гармонии знания и информации.

В личностно-психологическом аспекте знание и информация также вполне четко могут быть выделены из потока восприятий, интеллектуальной деятельности и других форм «когитаций», отношений к реальности личностных смыслов и т.п. В условиях современной компьютеризации, как правило, большинство людей не стремятся запомнить содержание информационных потоков, поскольку функции сохранения, накопления и предоставления информации с успехом выполняются с помощью Интернета, компьютеров, разнообразных гаджетов, способных обрабатывать и хранить гигантские массивы информации, заведомо превышающие объемы памяти человека. Но для того, чтобы осознать и осмысленно истолковать любую информацию, каждый человек должен обладать определенной совокупностью знаний, умений и навыков для восприятия и интерпретации получаемой им информации.

В известной книге М. Полани «Личностное знание» с помощью широкого круга различных близких по смыслу понятий и терминов описывается специфика реального процесса познания. Личностное знание характеризуется автором как имплицитное, неявное, неопределенное, латентное, неартикулируемое, невыразимое, молчаливое, неоформленное и т.п. Помимо этих эпитетов в книге используются такие оригинальные словосочетания, как: «неизреченный интеллект», «личностная самоотдача», «интеллектуальная дерзость» и т.п. Многие представители позитивизма, феноменологии и других

течений упрекали М. Полани в чрезмерной психологизации и «антропологизации» традиционной логической и эпистемологической проблематики. Однако, по словам М. Полани, он «показал, что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности, и что эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания» [Полани 1985: 19]. Основная идея М. Полани выражается им в суждениях: «мы знаем больше, чем способны высказать» и «мы живем в этом (неявном, личностном) знании, как в одеянии из собственной кожи» [Полани 1985: 101].

Многие ученые обращают внимание на наличие определенных изоморфизмов в различных сферах бытия. Известный этолог К. Лоренц предложил оригинальную и остроумную модель сочетания однозначных и жёстких автоматизмов и инстинктов с более пластичными, «мягкими» блоками информации, получаемой животными и людьми в процессах адаптации и постоянного обучения. По его мнению, комбинация инстинктов и получаемой информации напоминает строение позвоночника человека и многих животных. «Жесткие» и прочные позвонки обеспечивают устойчивость и прочность конструкции, а межпозвоночные диски и хрящи гарантируют её подвижность и гибкость. Тем самым в этой модели снимаются диссонансы и разрешаются противоречия. Данная остроумная модель вполне применима не только к психической, но и к когнитивной деятельности. Общие и устойчивые (научные, философские, практические и т.п.) знания, такие как принципы, теории, картины мира, концепции и др. обеспечивают стабильность и адекватность познания, а потоки информации позволяют учитывать реальные ситуации в их динамике и многозначности. Поэтому «тотальная информатизация», не обеспеченная усвоенной и личностно осознанной системой достоверных, обоснованных, научных знаний, в условиях массовой коммуникации может привести человека к формированию «клипового и пиксельного» сознания.

В социокультурном плане на уровне массового и индивидуального сознания процессы «информатизации» материального и духовного производства приводят зачастую к парадоксальным результатам. Избыточность информационных потоков порождает определённую «инфляцию информации», снижение её когнитивной ценности и значимости для людей и сообществ. Огромное количество людей, постоянно вовлеченных в многообразные формы и способы интернет-общения, неизбежно продуцируют гигантские объемы информации, главным содержанием, «контентом» которых являются частные мнения, «спам», ложные сообщения, оценочные суждения, «фейковые» новости и т. п. В целом эти потоки информации можно описывать как особую виртуальную реальность, как исторически новую информационную среду, оказывающую существенное влияние на сознание, психику и поведение современных людей. Так, известно, что в современной «информационной» и «гибридной войне» концепции и технологии «управляемого хаоса», «цветных революций», манипуляции массовым сознанием целых стран и народов играют значительную роль в достижении психологической, когнитивной и социокультурной нестабильности.

«Инфляция информации» неизбежно влияет на когнитивный статус знания, приводит к релятивизации существующих, в том числе и научных, знаний, повышает степень вариативности картины мира, неопределенности в сознании людей и, в плане личностно-психологическом – ведет к росту тревожности, к различного рода патопсихологическим процессам и состояниям. Эти процессы приводят в массовом сознании к снижению статуса обладания знанием, к понижению уровня мотивации на его усвоение, что особенно наглядно проявляется в современной средней и высшей школе, в падении грамотности, в снижении количества систематически читающих людей. В свое

время М. Горький провозглашал: «Любите книгу – источник знаний». В современном обществе книга фактически утратила монопольное положение в качестве источника знаний, поскольку объёмы аудиовизуальной информации, массовой коммуникации, безграничные возможности интернета и т. п. существенно изменяют когнитивный статус и деятельность большинства людей. «Отныне культура, – считает французский социолог А. Моль, – состоит не в том, чтобы знать, а в том, чтобы знать, кто должен знать». Далее он отмечает, что подобная установка «подавляет способность к творчеству» [Моль 1973: 356 – 357]. К негативным последствиям и деструктивным тенденциям «информационного взрыва» следует отнести также информационное «загрязнение» духовной сферы, ее заполнение всевозможной паранаучной, эзотерической, оккультной и т. п. информацией. Эти деструктивные процессы и факторы существенно влияют на духовно-ценностные сферы человека и общества, ведут зачастую к размыванию идеалов и утрате высших духовных ценностей.

В когнитивном плане данные процессы представляют собой частный случай и своеобразное проявление «деградации духовности», поскольку аудиовизуальные каналы и способы усвоения информации, по сравнению с логическими, научными, рациональными, теоретическими и т. п. формами духовного освоения мира, базируются на деятельности перцептивных, чувственных, наглядно-образных «механизмов», определяемых в основном не социокультурными, а врожденными, биологическими и психическими структурами и способностями. Не следует, конечно же, сгущать краски и утверждать, что человек возвращается в животное состояние одичания и утрачивает разум, науку и рациональность как высшие достижения культуры. Но, тем не менее, целый ряд феноменов и тенденций (не столько развития, сколько количественного роста и экспансии) информационного общества показывают наличие некоторых «попятных» трендов, реанимации архаических практик и дискурсов. Особенно это проявляется в «размножении» различного рода субкультур, очень похожих на родо-племенные сообщества. Внешними проявлениями подобных субкультур являются татуировки, пирсинг, системы иррациональных табу, использование наркотиков, девиантное поведение и т.п. Многие ученые отмечают своеобразный расцвет мифотворчества, паранауки, эзотеризма, магических практик, оккультизма и т.п. Поэтому есть определенные основания утверждать, что информатизация общества ведет не только к прогрессивным (в традиционно просветительском смысле) преобразованиям и развитию цивилизации, но и порождает целый ряд регрессивных и архаических по сути трансформаций общественной жизни. Эти процессы в целом ряде стран усиливаются такими социальными, психологическими и даже экономическими факторами как массовое потребление, ориентация на гедонизм, социальное иждивенчество, высокая безработица, снижение уровня образования и инфляция дипломов, алкоголизм, различные формы эскапизма и т.п. Информатизация общественного и индивидуального сознания сопровождается ныне резким ростом и нарастающим значением виртуальной реальности, в существенной мере размывающей традиционные границы и определенность объективной и субъективной реальностей. В этих условиях активизируются архаические формы сознания и иррациональные дискурсы (от тоталитарных сект до психоделической музыки), оккультные практики и субкультуры.

Широкое распространение подобных явлений существенно воздействует как на характер когнитивной деятельности современного человека и общества, так и на социокультурный статус интеллекта и рациональности. По мнению В. М. Найдыша, глубоко исследующего как традиционную мифологию, так и тенденции неомифотворчества, «в современной мировой философской литературе широко распространена символика

нового Апокалипсиса – Апокалипсиса Неразумия, выражающая идею завершения того культурно-исторического периода господства Разума и преклонения перед ним, в основе которого лежали ориентации на рациональное отношение к миру» [Найдыш 2002: 12].

Известный российский философ В. А. Лекторский, со ссылкой на мировое философское сообщество, пишет, что «есть мнение (поддерживаемое рядом постмодернистов), что человечество вступает в некую новую стадию – стадию магизма». Ученый не даёт четкого и развернутого описания и объяснения феномена «магизма», но при этом он утверждает, что «человечество не отказывается от познавательной и технологической деятельности в пользу магического отношения к миру», которое как бы реанимируется в общественном сознании и бытии и во многом связано с «развитием современных информационных технологий, с проблемой виртуальной реальности и вообще с возможностью существования многих реальностей» [Лекторский 2012: 375 – 376].

В гносеологическом аспекте сущность «магизма» (и других тесно связанных с ним феноменов, таких как неоязычество, архаическое, пралогическое и иные проторациональные формы мышления и восприятия мира) состоит в нерасчлененной слитности, тождестве субъекта и объекта, субъективного и объективного в различных формах: образа и прообраза, сна и яви, знака и обозначаемого, символа и фрагмента действительности и т. д. Вполне понятно, что односторонняя информатизация и виртуализация массовой культуры неизбежно реанимирует архаические (магические, мифологические и др.) способы восприятия и осмысления мира в сознании многих людей.

Обобщенным выводом и итогом данной статьи является осознание необходимости и актуальности глубокого и комплексного исследования проблемы соотношения знания и информации в их многообразии и динамике развития в различных аспектах и сферах бытия.

Источники и литература:

1. Князева Е. И. Эволюционная эпистемология: современный взгляд. // Эпистемология: перспективы развития. Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «реабилитация», 2012. 536 с.
2. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «реабилитация», 2012. 384 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: ИПЛ, 1956. 754 с.
4. Моль А. Социодинамика культуры. М.: «Прогресс», 1973. 406 с.
5. Найдыш В. М. Философия мифологии. М.: «Гардарика», 2002. 554 с.
6. Полани М. Личностное знание. М.: «Прогресс», М.: 1985. 386 с.
7. Рипли А. Кризисы и катастрофы: кто и почему выживает. М.: «Эксмо», 2009. 468 с.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.